

Вест. клуб. - 2003 - 24 июля - с. 25

После своего освобождения Эдуард Лимонов уже предпринял одну политическую акцию – впрочем, скорее правозащитную. Он попросил о встрече Бориса Грызлова, министра внутренних дел России.

– Я сделал это потому, что очень много членов НБП находятся сейчас в заключении, либо против них возбуждены уголовные дела, либо их преследуют и мешают проводить акции, которые, как правило, вполне законны – вроде демонстраций или пикетов. Получается,

что НБП – самая опасная партия, что государство видит в ней своего главного врага. Практически любой наш партиец бывал в милиции, и практически всегда эта встреча нацболов с государством сопровождалась избиениями. Мне хочется эту ситуацию сломать. Государство у нас остается по сути репрессивным, палаческим, его главная задача – сломать своих граждан, заставить молчать, соглашаться, забыть о своих правах. Такое государство перекрывает России воздух, не дает ей смотреть в будущее.

– Вы допускаете, что последовал какой-то сигнал сверху насчет вашего освобождения?

– Допускаю, потому что без этого сигнала мало что делается.

– Что вы намерены делать сейчас?

– Заниматься политикой. Писать – только если это будет нужно для денег. Для издания газеты, например.

– Вы собирались писать биографию Ленина...

– Да, и со временем, может быть, напишу. Вообще в «Священных монстрах» все главное уже сказано. Я больше всего не люблю иронию. На одной тотальной иронии нельзя построить ничего великого, на релятивизме далеко не уедешь. В России сейчас к героическому относятся с насмешкой, потому что так проще. Так оправдывается собственное животное состояние. Я

рад, что Гергиев поставил, говорят, всю тетралогия Вагнера. Я хочу это посмотреть. Вагнер – явление титаническое. И Ленин тоже. Ему почти удался великий проект...

– Выскользнувший у него из рук.

– Почему? Он сделал, что хотел. Всякая революция рано или поздно перерождается, тогда нужно снова все перетрясать... Я много читал в тюрьме ленинские письма, ведь у нас им толком не занимались. Наворочены горы вранья. Печатали их – и сами не понимали, что печатают. Например, он пишет Арманд: непременно почитайте «Аванти», очень интересная газета, в особенности до четырнадцатого года... И не помня, что до четырнадцатого года ее редактировал Муссолини, впоследствии ушедший в «Попполо д'Италия».

– Вам очень трудно было в Лефортове настроиться на то, чтобы писать?

– Мне никогда это не было трудно. В Лефортове это была для меня форма побега. Сел к столу – и убежал. Мне выдали лампу – старую, зеленую, военную, я еще спросил: что, Блюхер небось под такой показания подписывал? Провод весь в паутине... Выводили в одиночную камеру – обычно после обеда, – и я писал; они потом сами привыкли и спрашивали: работать сегодня пойдете? Вообще в Лефортове отношение было уважительное: на подъеме стучали – «вставайте, пожалуйста»... В колонии я писать бы не смог – там себе не принадлежишь ни секунды. Очень строго, весь день заполнен, все время маршировка, личного времени нет вообще.

ЭДУАРД ЛИМОНОВ:

Я СИДЕЛ В ОДНОЙ КАМЕРЕ С МИНИСТРОМ КУЛЬТУРЫ

– Вам пришлось, насколько я знаю, посидеть и с двумя крупными саратовскими чиновниками...

– Да, обоих в камере звали «дядя Юра». Оба действительно Юрии, один – министр культуры области, бывший, естественно, – типичный лабук, ресторанный музыкант, попавшийся на взятке, что-то смешное, три тысячи долларов и четырнадцать тысяч рублей. Второй – племянник губернатора Аяцкого, вице-губернатор Моисеев. Этот произвел на меня большее и лучшее впечатление, чем министр культуры, хотя просидел только десять дней, почти сразу вышел. Он отважно посылал надзирателей, чего я не делал никогда. Попал он по смешному делу – у Аяцкого с прокурором области трения, так вот Моисеев был избран оружием возмездия. Он когда-то давно, еще в бытность председателем колхоза, вместе с приятелем поймал на поле человека, воровавшего морковь, и сильно его побил. Кажется, голову покалечил. Тогда дело закрыли, а сейчас возобудили, и его прямо на допросе арестовали, чтобы тут же выпустить. Ему успели принести страшное количество еды – в камере на полу буквально гнили груши, мясные копчености, балыки... Помню, я впервые за долгое время съел осетрину. Санек, кстати, ее не оценил, а мне очень понравилось. И после ухода дяди Юры эти килограммы еды долго еще не могли доесть, а отдать их в соседнюю камеру нам не разрешили – так все и лежало, пока не начало гнить и невообразимо вонять.

– Интересно, вас можно назвать государственнымником?

– Нет. Любое сильное государство рано или поздно начинает террор. На свете нет ничего важнее свободы – а в сегодняшней России свободы еще меньше, чем было в девяносто втором. Человек унижен, у него все отнято, теперь он и сказать об этом не может. Это возвращение к русской традиции, традиции адата, к архаическому государству, к постоянному насилию над людьми. Патриотизм измеряется именно мерой этого насилия. С этим надо кончать.

– О чем ваша последняя, еще не опубликованная книга?

– Это, кажется, первая моя книга, в которой нет ничего обо мне. Она называется «Тюремные истории». Там истории людей, с которыми я встречался и говорил. Например, Цыганков, руководитель банды «Чайки». Человек еще молодой, лет тридцати с небольшим, с высшим образованием – юрист. Он сам никого не убивал, органи-

зовывал только. Очень интересно с ним было поговорить о Боге... Я никого не оправдываю и не сужу, я просто говорю, что видел интересных и трагических людей. Таких же людей, как все, обычных. Надо помнить, что любой может попасть в тюрьму и подвергнуться пыткам, которые при дознании стали повсеместной практикой, обычным делом. «Ласточка», дыба, пропускание электрического тока через наручники... Это может случиться с любым. Помните, что выжить в тюрьме можно. Не надо только огорчивать себя – ни при каких обстоятельствах. Обещанных поблажек вам не дадут, а сломают навеки.

– Я тут перечел «Укрощение тигра в Париже», только что изданное «Амфорой» в составе вашего нового собрания сочинений. И мне показалось, что вы очень сентиментальный писатель – для меня это самый большой комплимент, который можно сделать литератору...

– Нет, я бы себя сентиментальным не назвал. Жалость к себе мне не свойственна, мне вообще в последние три года приходилось быть гораздо жестче, чем обычно. Я не мог расслабиться ни на минуту и сам удивлялся крепости своих нервов. Когда прокурор попросил для меня четырнадцать лет строгого режима, я спокойно это выслушал, спокойно вернулся в камеру, попил чаю, поговорил с ребятами и заснул. Многие удивлялись. Нет, я и других жалеть не очень склонен... наверное, потому, что жалость вообще разрушительна.

Беседовал
Дмитрий БЫКОВ